

“Я - часть века”

ПОМИМО Щепкинского училища актриса Оксана МЫСИНА закончила еще и Гнесинку по классу альты. Она немного играет на фортепиано, на гитаре и на трубе. И поет - у нее своя рок-группа “ОКСИ-РОКС”, для которой она еще и пишет песни. Играла в Театре п/р Спесивцева, в Театре на Спартаковской, в Новом драмтеатре. Создала “Театральное братство Оксаны Мысиной”. Драматург Оля Мухина пишет для нее пьесу “Льва”. То есть лев, но в женском роде, но не львица. И так, Льва - что за зверь такой?

этого не избежал. А вообще-то в хорошем смысле у меня сейчас переходный возраст, который я взяла в свои руки и делаю то, что не успела, тороплюсь, и оседлала этого коня, и скачу вперед. В Щепкинском училище мне говорили: ты не вписываешься ни в какие рамки, поэтому твоё время наступит после сорока, а сейчас терпи, дотерпи до сорока - там уже пойдут твои роли. Так что как раз наступает мое время. Поэтому расслабилась и жду, когда придут они, мои роли. Пока не дождалась. Жду.

Хотя только сейчас понимаю, насколько быстро уходят годы, насколько мгновенно быстро проходит жизнь. Смотрю на человека, которого видела еще несколько лет назад, и думаю: а-ах! И тут же - неужели и он на меня так же смотрит? Вот так особенно видно, как идет время, как оно неумолимо. А уж тем более когда теряешь людей. С уходом Бориса Александровича Львова-Анохина... Понимаешь, нет больше человека, который любил меня просто так, как существо, не за что-то, с которым я могла говорить обо всем, и быть глупой, и заплакать. Но, с другой стороны, это все равно никуда от нас не уходит. И, может быть, я потому и взялась за режиссуру, что мне он в свое время дал столько любви, что я смотрю иногда на актеров и думаю: “Им просто любви не хватает!” И так хочется дать им эту любовь. Они же дети, у многих родители далеко живут, они не москвичи, те актеры, с которыми сейчас работаю. Быва-

ет, и слышишь, да еще сквозь слезы: “Ой, я так к маме хочу!”

- Вы теперь и поете, а музыку какую слушаете?

- Меня раздражает современная отвратительная музыка, это же насилие над людьми! В Питере пошла в сауну, так и там включили попсу. Попросила убрать, а мне сказали: “В соседнем номере 10 человек именно эту музыку хотят слушать!” Но все-таки выключили - я сказала, что мне сейчас станет плохо.

- Один артист считает, что сейчас век попсы...

- Я воспринимаю наш век иначе. Как актриса я уже во многих веках перебивала. И не думаю, что лучше там, где нас нет. Ищу какой-то диалог с этим веком, с тем нервом, который существует в воздухе. Подключена к нему. Я - часть века, а значит, не могу смотреть на все со стороны, раз принимаю участие в этом времени.

- Оксана, вы с мужем (Джон Фридман, американский журналист. - Авт.) живете постоянно в Москве. В Штаты не собираетесь перебраться?

- Скорее бы уехала с Джоном на какой-нибудь остров, где нет государства, бюрократии, выборов президента... А в Америке сейчас гораздо хуже, чем у нас. Там столько проблем! Люди боятся снегопадов, мороза, ураганов, не выходят на улицы, но главное - конечно, терроризм. Мы переписываемся с родными Джоном, звоним, бываем, знаем не из газет, как реально там живут простые люди. Они действительно многого боятся. Отсюда агрессия. Там висят плакаты “Война не выход”, но в то же время 75% американцев утверждают, что война решает проблемы.

- Вы могли бы прожить домохозяйкой, без актерства?

- Не могла бы. Нет более потрясающей профессии, чем наша. Когда в тебе эта энергия, которая тобой властвует... Но и ты управляешь этим “самолетом”, как летчик, а не как самолет, который летит.

- А провалы вы знали?

- На церемонии вручения “Золотой маски” я вышла в таком авангардном костюме, шлеме (все было по сценарию). Из зала стали кричать: “Уберите эту кикимору!” Это были выкрики ненависти, злости! И мне надо было не расплакаться, не убежать, а с честью удалиться. Я хотела еще гордо повернуться перед уходом, сверкнув очами, и тут с меня с грохотом, бум-бум-бум, падает этот шлем! Я поняла тогда, что такое, когда в древнегреческом театре заплевывали актеров. Но за кулисами меня в объятия принял Володя Мирзоев: “Мне так понравилось! Молодец!” Я никогда не забуду, как в газетах писали про ужасную церемонию, отвратительную Мысину, которая так опозорилась! Мой учитель Львов-Анохин меня потом отругал, не видел, а я взяла и сыграла ему то, что там было. Он сказал: “А что - хорошо. Как Плисецкая мне сказала: “Пусть пишут, что хотят, лишь бы не забывали”.

- Значит, критика не раздражает?

- Приводит в недоумение, как ведут себя критики на спектаклях, особенно молодые, - роняют ручки, блокноты, переговариваются, засыпают, ведут себя агрессивно, без всякого уважения к нашей работе, к зрителям-соседям. А ведь мы, актеры, живьем перед вами работаем. Я, например, очень чувствую зал, когда кто-то не в духе пришел, раздражен. А мобильники? Приходится как-то обыгрывать, если зазвонил телефон в зале! Хотя актеру надо уметь на сцене все обыграть, ты должен суметь выйти из положения, взять все, что ни произойдет, в спектакль. И если человек вышел из зала во время действия - это проблема артиста. Может, он отдохнуть пришел, а ему показывают что-то совсем иное, а он не знал, деньги заплатил. Если у человека нет контакта с артистом, он вправе уйти. Зритель всегда прав.

Марина МУРЗИНА
Фото Геннадия УСОЕВА

- ЭТО пьеса о женщине-инопланетянке, которая рождается при необычайных обстоятельствах и из девочки на побегушках в брокерской конторе превращается в самую богатую женщину в мире. Это очень... очень обнаженная история. Исповедь женщины уже не в юном возрасте, которая что-то важное в жизни поняла.

- А для вас существует проблема возраста?

- Наверное, то, чем сейчас занимаюсь, и есть тот самый переход из девочки, которой я была, с длинными ногами, в шортах, играла каких-то таких вертопрашек, в другое качество: и женское, и человеческое, и профессиональное.

- Это болезненно?

- Нет. Хотя год назад в свой день рождения в 8 утра я встала (нужно было на съемки), обняла стиральную машину и зарыдала басом. И, отплавав, перестала думать о днях рождения, о цифрах, которые начинают уже пугать. Это о смерти надо думать, иначе она может застать нас врасплох. Но она - часть нашей жизни, надо ее так и принимать, никто